

Вырезка из газеты

ПРАВДА ВОСТОКА

г. Ташкент

13 ФЕВ 1971

„ПРОШУ К НАЧАЛУ...“

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ПЕРЕДО мной вереницы снимков, кипы газет с театральными рецензиями, афиши, программки... И везде — Ефремова, Ефремова, Ефремова! За четверть века на подмостках Ташкентского государственного академического театра имени Горького ею сыграно более пятидесяти главных ролей.

Вот уже сорок лет выходит она на сцену и перед каждым выходом слышит такую привычную, произносимую помощником режиссера фразу: «Прошу к началу...». Сколько было этих начал! Наверное, и сама актриса не припомнит всего. Но такова профессия драматического актера — чтобы там ни было, всякий раз: «Прошу к началу...».

На фотографиях — женские лица. Злые и добрые, возвышенно-романтические и откровенно-вызывающие. Всех их сыграла народная артистка Узбекской ССР Кадария Григорьевна Ефремова. При всем разноборе жанров и тем, при различном отношении Ефремовой к своим героям — от полного слияния и «взаимопонимания» до иронии над ними, — при всем этом можно найти некое общее, характерное определение для сути всех образов, сыгранных актрисой. Женщины Ефремовой прежде всего и независимо ни от чего свободны. Алексей Арбузов как-то обронил фразу о том, что не умеет ненавидеть людей, которых создает в своих пьесах. Для Ефремовой принципиально важный момент начала работы над ролью — рождение любви к своей новой героине. Во всех своих ролях она искала непокорность, гордялась любила ее и — играла. Но сама создательница свободолюбивых натур всегда находилась в плену. В «плену у времени», которое формировало ее талант, высвечивало ее дар разными гранями. Потому что актер всегда играет сейчас, сегодня, для своего времени.

К НАЧАЛУ — так к началу. А там, на заре актерской судьбы, маячит сквозь дымку времени, но не исчезает из памяти курьезный случай.

На спектакль Фрунзенского драматического театра, в котором было это «начало», примили родители Клавы Ефремовой. Давали «Живой труппе» Л. Толстого, в котором неподорвальная дочь, самовольно, без родительского согласия сбежавшая из дома на подмостки, играла цыганку Машу, может быть, первую в ряду непонорных. Но весь зал смотрел на сцену, а на сидящих в первых рядах ее родителей. Отец вскрикивал от радости, указывая на сцену пальцем, громогласно оповещая, что эта, вот та, с гитарой, — его дочь. Мать, смущаясь, одергивала его, но в меру. Им задавали вопросы, к ним подходили знакомиться...

В начале пятидесятых Ефремову впервые увидел Ташкент. И стали одна за другую оживать героини пьес, чтобы потом оставить после себя поблекшие фотокарточки.

ки, строчки рецензий... Но самое главное — память в зрительском сердце.

Смотрю и читаю.

В. Шенспир. Джуллетта. «В игре талантливой актрисы есть поэтический взлет, опрыгнувшись...»

А. Арбузов. Таня. «...Ее кам

раз характеризует строгость, мужественность интонаций».

А. Чехов. «Вишневый сад». «Аня, независимая от мира подлости, эгоизма и обызвательщины...».

М. Горький. «История пустой души». «Алину играет Ефремова, рисует, не щадя красок, — слова бугор, актрисе их щедро отпущен природой; тут не боятся «не дотянуть». Все... — нараспашку: смотрите, любуйтесь, наслаждайтесь...».

Ар. и П. Тур. «Чрезвычайный посол». «Сохраняя женское обаяние, обворожительность, Ефремова в Елене Кольцовской не позволяет себе внести в образ ни малейших оттенков нонконформизма, никогда не становится женски тщеславной, а передает огромное человеческое и гражданское достоинство».

И еще много, много других. И все обозначены плотно стоящими друг к другу датами. Только когда шестидесятые сменились семидесятыми, стали появляться в ее актерской судьбе пробелы. Таковы два последних года. Вплоть до нынешнего...

НЕЗРЯЧИИ — не узреет, не игравший на сцене — не поймет. После простой, после ожиданий, надежд, после полузабвения, ... после тяжести безделья ощутить легкость каторжного труда — это счастье! «Прошу к началу...». Это тебе!

По-разному складываются судьбы, тем паче — актерские. И нет тут виноватых... После множества ролей, сыгранных в приподнятом, романтическом стиле, Ефремова сыграла несколько острохарактерных образов — Анну Андреевну в «Ревизоре» Гоголя, Атуеву в «Деле» Сухово-Кобылина, тетю Тони в «Прощай и пой» Дьярфаша. Острой внешней формы, яркой выразительности актриса никогда не чуралась, но вот едкий сарказм, создание души, заранее ненавистной и в основном по-человечески чуждой, — это ей не далось. И вся работа ушла в совершенствование формальных приемов, чисто внешней выразительности. Но это все равно была работа, которая никогда не исчезает бесследно. Спустя время она «перешла» в Лидию Васильевну Жербер, героиню новой пьесы А. Арбузова «Старомодная комедия».

К АЮСЬ, начало спектакля в дни премьеры я, по сути дела, не видел. Я смотрел в зал. А в зале повторяли вслух ее имя, гордились ею, удивлялись, умилялись. Точь-в-точь, как когда-то, в самом начале, те двое, ее родители.. На этот раз в зале сидели многие из тех, для кого имя Ефремовой так неразрывно связано с их юностью, с многолюдными вечерами на улице Карла Маркса, с толпой у театрального подъезда, где счастливчикам удавалось добить билетик на «Таню».

Спустя четверть века с ее первого появления на этой сцене Ефремова как будто снова начинала. И начала...

Пьеса эта о двоих. Он и Она встретились в конце лета, на гребне наступающей осени. Ровесники. Обоим по шестьдесят. Обоим есть что вспомнить — за плечами долгая, нелегкая, уже прошедшая жизнь. Прошедшую? Так они считали до тех пор, пока не увидели и не узнали друг друга. Поначалу оба только и делают, что вспоминают, возвращаясь в прошлое. Затем — живут друг для друга, открыв для себя настоящее. Дальше — уходят в будущее.

Эта пьеса из таких, которую по-настоящему могут пересказать только два актера за два часа. Короче и в одиночку невозможно. Но главное — не пьеса, а то, как Ефремова сыграла ее, Лидию Васильевну Жербер. За внешней экстравагантностью, за говорливостью и респектабельностью спрятана в этом человеке гордая неприступность, самоутверждение независимости. А еще глубже — боль, тоска по пониманию, по близкой душе. И здесь есть все — и ефремовский романтический полет, и свободолюбие всех ее героинь, и острые контрасты внешних красок.

«Прошу к началу...». Это там, за кулисами, подали сигнал. Надо смотреть все сначала, и тогда мы разглядим, как Он, которого играет заслуженный артист Узбекской ССР П. Дроздов, сначала удивится Ей, даже испугается, потом — обрадуется. Потом... Она далеко не самая молодая, но — мы это поймем — самая красивая для него.

А если это так, то что есть красота и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота. Или огонь, мерцающий в сосуде?

В. ГОРСКИЙ.